

28 октября Синод на своем заседании, разобрав доношение Московской канцелярии, согласился с ее предложением о публичном сожжении иконы, добавив, чтобы при этом акте было прочитано специальное «объявление» Синода, обращенное к старообрядцам. Приказано было «обстоятельно» допросить Бессонова, еще раз «разсмотреть и о всем изследовать» внимательно самое дело об отобрании у старообрядцев иконы (и если нужно — принять новое решение) и потребовать от бывших служащих Приказа духовных дел более тщательной сдачи по описи всех имевшихся у них бумаг.⁵ В тот же день последовал царский указ обо всем этом в Московскую канцелярию розыскных раскольнических дел, в Московскую синодальную кантору и Дикастерию.⁶ К 14 декабря 1724 г. все три названных учреждения отрапортовали о начале расследования.⁷

После этого, как можно заключить из дела, Синод вернулся к вопросу об иконе протопопа Аввакума только через год. Никаких движений в деле до этого времени не зафиксировано. Весьма возможно, что происшедшие в 1725 г. в стране события (смерть Петра, дело Феодосия Яновского и др.) отвлекли Синод и он не требовал от москвичей скорейшего завершения дела об иконе Аввакума, а они, учитывая сложившуюся обстановку, не торопились с ответом. Забегая вперед, следует сказать, что дело об иконе Аввакума так, по-видимому, и не было доведено до намеченного в Синоде завершения. Во всяком случае, так можно предполагать по имеющемуся делу. Но как бы то ни было, только 6 октября 1725 г. в Синоде снова встал вопрос об иконе Аввакума. На этот раз Синод рассмотрел два текста «объявления»: о добровольном переходе Ивана Михайлова из старообрядчества и об иконе протопопа Аввакума. По обоим было принято такое решение: «Те объявления для известия, а еже ли, что явится в них недовольно, и для поправления, сообщить синодальному же вице-президенту, преосвященному Феофану, архиепископу Великому Новгорода и Великих Лук. И как оныя объявления от его преосвященства паки в Синоде будут получены, тогда их ко апробации, яко немаловажные дела и к печати надлежащие, взнестъ в правительствующий Сенат. И по апробовании, ежели оное признается от стороны Сената за довольное и взнесетъ в святѣйшій Синод, и в то время велеть их, для розыски во все государство, к церквам, довольное в Санкт-Петербурхской типографии напечатав число, дав из синодальной канцелярии к тому печатанью бумагу, при обыкновенном от типографской канторы доношении, взнестъ в святѣйшій Синод. И о том в то кантору дать указ, при котором для напечатания тех объявлений и формы точныя приобщить. И по взноси их от Синода разослать в духовную Дикастерию и во все епархии, и в Санкт-Петербурхскую тиунскую кантору, и на Олонецкие петровские заводы, по надлежащему числу, немедленно и чтобы те объявления во всех церквах прочтены были в воскресной или праздничной день при народном собрании и неотменно».⁸

Хотя подпись Феофана Прокоповича и значится на протоколе этого заседания, но он, по-видимому, на нем не присутствовал, иначе зачем потребовалось бы отсылать ему текст «объявления» на «апробацию»: первый вице-президент, председательствующий, он тут же бы мог высказать свое мнение о нем. Возможно, протокол оформлен был позднее, после знакомства его с содержанием «объявления».

⁵ Там же, л. 3—3 об.

⁶ Там же, лл. 4—5.

⁷ Там же, лл. 6—8.

⁸ [Дело] по доношению бывшего портовой таможи досмотрщика Ивана Михайлова о принятии ево от раскола ко святей церкви. ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 6, № 251, лл. 7—8.